

Крячко Владимир Борисович

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕССИЯ: КОНЦЕПТЫ И АНТИКОНЦЕПТЫ

Статья представляет собой попытку критического анализа своей собственной истории, культуры и языка со стороны самого языка, вместившего в себя время, историю, мысль и борьбу с нею, а значит и самим языком. В определенном смысле это попытка преодоления того, что представляет антикультуру. Основной тезис заключается в том, что язык самодостаточен и влиятелен в силу своего изоморфизма сознанию. В подобной постановке тема репрессий и языка ранее не поднималась.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/3-2/27.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 3(57): в 2-х ч. Ч. 2. С. 91-93. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81-112.2

Статья представляет собой попытку критического анализа своей собственной истории, культуры и языка со стороны самого языка, вместившего в себя время, историю, мысль и борьбу с нею, а значит и самим языком. В определенном смысле это попытка преодоления того, что представляет антикультуру. Основной тезис заключается в том, что язык самодостаточен и влиятелен в силу своего изоморфизма сознанию. В подобной постановке тема репрессий и языка ранее не поднималась.

Ключевые слова и фразы: концепты; антиконцепты; репрессированная лексика; репрессивные слова; языковая репрессия; идеологема; идеологическая рамка.

Крячко Владимир Борисович, к. филол. н.
Волжский политехнический институт (филиал)
Волгоградского государственного технического университета
ya.usto@yandex.ru

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕССИЯ: КОНЦЕПТЫ И АНТИКОНЦЕПТЫ

Бесконечный спор о влиятельности языка или инструментальности, его самодостаточности или жесткой подотчетности сознанию разделил мир лингвистики надвое. Следуя общепринятому сегодня в мире лингвистики мнению одних, сторонников известной гипотезы Сепира-Уорфа, считающих, что каждый язык видит мир по-своему, и наделяют его (язык) функцией самодостаточности, сегодня меньшинство; вторых, представляющих язык, как «механизм мышления», общий для вида *Homo sapiens*, – подавляющее большинство. Так, известный американский психолингвист Стивен Пинкер, автор мирового бестселлера «Язык как инстинкт» / “The Language Instinct”, решительно отказывает языку (в т.ч. своему родному английскому) в «здравом смысле» и «логичности»: «Английский язык (как и любой другой, на котором разговаривают люди) безнадежно непригоден для того, чтобы служить нам средством для мысленных логических построений» [6, с. 67]. «Английские предложения не несут информации, необходимой процессору, чтобы прийти к здравому смыслу» [Там же, с. 68].

В какой-то мере можно было бы согласиться с подобной точкой зрения, если бы не **языковая репрессия** – явление, которое обобщенно следует понимать как борьбу с инакомыслием в пространстве языка. Логика этой борьбы содержит внутреннее противоречие и предстает в виде борьбы с самим языком. Но если язык не влиятелен, то зачем с ним нужно бороться? Подобное явление в той или иной мере знакомо всем культурам в рамках концепта «цензура». Однако речь не о цензуре ради воспитания нравов, а о словах и выражениях, запрещенных в обиходе по идеологическим соображениям. Речь идет об особом классе лексики, *репрессированной* вместе с теми, кто ее изрек. Для русской культуры это выражение в значительной мере является общим и тривиальным. Абстракция, вошедшая в обиход: политические *репрессии*, жертвы *репрессий*, *репрессивные* меры. Чаще всего эти выражения связывают с определенным именем – Сталина и определенным временем – 30-50 годами прошлого столетия. К сожалению, подобное явление по своей масштабности характерно только для русской культуры. Известны слова Осипа Манделштама по этому поводу: «Поэзию уважают только у нас. За нее убивают. Только у нас. Больше нигде» [Цит. по: 8, с. 392].

Слова, ставшие причиной гибели многих поэтов, бесспорно, являются ключевыми для русской культуры. Их можно назвать **концептами** многочисленных авторских дискурсов, которые были насильственно прерваны в своем развитии (‘свобода’, ‘стыд’, ‘совесть’, ‘интеллигентность’, ‘вера’). **Концептами культуры** принято называть «многомерные смысловые образования, в которых выделяются ценностная, образная и понятийная стороны» [2, с. 109]. В них сосредоточена наиболее значимая информация о языке с точки зрения культуры. Науки, возникшие на этом основании, лингвокультурология и концептология, значительно расширили информативный простор для лингвиста, позволив ему выходить за рамки «чистой грамматики» [3, с. 47]. Поэтому те **идеологемы**, которые пресекли движение культуры, с формальной точки зрения являются **антиконцептами**. Известна, например, бинарная оппозиция «космополит» – «интернационалист», где бинарность лексем представляет сугубо оценочный характер. Хорошо и почетно в советском обществе было называться «интернационалистом»: ассоциаты *воин, солдат, долг* [7, с. 306]. Напротив, плохо и опасно было быть «космополитом» *безродным, сумасшедшим, бесприютным, бездомным, без отечества, нищим, бродягой* [4, с. 462].

Репрессивные слова выполняют деструктивную функцию в тексте, скрывая смысл вместо того, чтобы формализовать его. С. Пинкер называет их «эвфемизмами на государственном уровне», обращаясь за примером к Дж. Оруэллу: «Что касается эвфемизмов на государственном уровне, то они достойны презрения, не потому что являются формой контроля за умами, но потому, что являются формой лжи. <...>Так, например, *оптимизация доходов* имеет куда более широкое значение, чем *налоги*, а слушатели, естественно, полагают, что если бы политический деятель имел в виду *налоги*, то он так и сказал бы: *налоги*» [6, с. 48].

Даже простая перестановка строк и выражений в поэтическом тексте ведет к сокрытию смысла или его выхолащиванию. Подобную форму борьбы со смыслом, власть активно применяла в качестве *языковой репрессии*. Известен комический случай, связанный со стихотворением Б. Пастернака «Март», в котором власть (в лице К. Симонова) не устроило слово «навоз», и К. Симонов предложил автору поменять местами две последние строфы.

*«Эти ночи, эти дни и ночи!
Дробь капелей к середине дня.
Кровельных сосулек худосочье,
Ручейков бессонных болтовня!*

*Настежь все, конюшни и коровник,
Голуби в снегу клюют овес,
И, всего живитель и виновник, –
Пахнет свежим воздухом навоз» [10, с. 965].*

«Хорошо было бы, конечно, обойтись совсем без навоза. Но так далеко он не идет. Он просит лишь сделать так, чтобы запах навоза не так бил в нос. Но ведь он же и сам – поэт! Не может же он не понимать, что финальную, концевую строфу поменять местами с предпоследней – невозможно! Стихотворение в этом случае будет разрушено. Как цельный, живой организм просто перестанет существовать» [Там же]. Так, слово «навоз» оказалось **репрессированным**, но устояло. Однако далеко не все и не всегда выглядело столь комично.

В качестве способов борьбы со смыслом (т.е. языком) активно используется его *абсурдизация*. К абсурду как литературному жанру прибегали разные авторы (Л. Кэрролл, Ф. Кафка, Д. Хармс). Однако, преднамеренно, т.е. с репрессивной целью едва ли не впервые абсурд используется Дж. Оруэллом в его романе-антиутопии «1984». «Война – это мир (War is peace). Свобода – это рабство (Freedom is slavery). Незнание – сила (Ignorance is strength)» [5, с. 28]. Ключевую роль в романе-антиутопии выполняют антиконцепты («мир», «свобода», «сила») которые становятся абсурдными, когда утрачивают свои понятийные особенности. Министерство мира здесь ведает войной, министерство любви – охраной порядка, а мыслепреступление оказывается главным предметом борьбы за чистоту рядов [Там же, с. 6].

«In the end we shall make thought crime literally impossible, because there will be no words in which to express it. Every concept that can ever be needed will be expressed by exactly *one* word, with its meaning rigidly defined and all its subsidiary meanings rubbed and forgotten» [11, p. 60]. / В конце концов, мы сделаем мыслепреступление просто-напросто невозможным, потому что для него не найдется слов. Каждое нужное понятие будет выражаться только одним словом со строго определенным значением, а все остальные значения – стерты и забыты (*перевод автора – В. К.*).

Не такая ли перспектива для английского языка является «здравой», по выражению С. Пинкера? К счастью это антиутопично, т.е. не просто абсурдно, но антикультурно, антигуманно и антиконцептуально.

«Every year fewer and fewer words and the range of consciousness always a little smaller. <...> The Revolution will be complete when the language is perfect. Newspeak is Ingsoc and Ingsoc is Newspeak. <...> Chaucer, Shakespeare, Milton, Byron – they will exist only in Newspeak versions, <...> changed into something contradictory of what they used to be» [Ibidem, p. 61]. / С каждым годом все меньше слов и все уже границы сознания. <...> Революция завершится, когда язык станет совершенным. Новояз – это англсоц, а англсоц – это новояз. <...> Чосер, Шекспир, Мильтон, Байрон – все они будут существовать только в новоязе, <...> обернувшись во что-то противоположное тому, чем они были раньше (*перевод автора – В. К.*).

Перед нами перевернутый мир, в котором все ценно ложно, а ложное ценно, потому что главным врагом англсоца (английского социализма) объявлено сознание, и с ним ведется война. Война с языком, которым измеряется сознание, дает возможность повлиять на мысль и сознание, детерминировать его, загнать в жесткие идеологические рамки (советского или китайского социализма, немецкого нацизма, итальянского фашизма, русского большевизма или англсоца). Ключевым условием функционирования языка назван концепт «свобода»: когда язык свободен, его никто не замечает, как здоровое сердце. Но как только язык оказывается в стесненных условиях, болезненным оказывается каждый шаг, каждое движение и общество в целом. Застой и оцепенение – естественное состояние организма в этот момент; долой всякого, кто пытается двигаться. Однако ни у кого в этот момент, кто сохраняет язык свободным, не возникает сомнения в том, с чего начался антропогенез и чем он закончится – «все с *Него* начало быть и без *Него* ничто не начало быть» [1, с. 1621] (*курсив автора – В. К.*) – т.е. с Языка.

Способность замечать, видеть себя со стороны – это дар свободы. Такой роман, как «Nineteen Eighty-Four» мог родиться только в свободном языке, дарующем способность критического анализа. Ведь Джордж Оруэлл видел в этом себя самого, свою культуру и свой язык, в состоянии несвободы, т.е. как вероятность. По-сути, это роман-фантазия, роман-вымысел, языковая репрессия в виртуальном изображении.

Для русской лингвокультуры языковая репрессия не виртуальность, а обыденная реальность переживаемая, но еще не пережитая, опыт, еще не ставший открытым знанием, часть культуры с приставкой *анти-*. Подобная трактовка идет от привычки русского языкового сознания находиться в состоянии несвободы, подавленности или репрессии. Пагубность этой привычки заключается в неспособности замечать свою несостоятельность, в невозможности посмотреть на себя со стороны, что означает нежелание мыслить критически и глубоко. Это противно самой сути духа, который сознает себя с разных точек человеческого бытования, независимо от языка, культуры, вероисповедания, поскольку дышит, где хочет.

С другой стороны известно особое стремление русской культуры и языка к семантической напряженности – от желания вместить в себя нечто большее себя самого. Иначе говоря, чтобы быть живым и современным, слово всегда должно отвечать евангельскому призыву, т.е. быть с солью.

Слова, ставшие солью жизни – это *репрессированные* слова, за которые их авторы в полной мере расплатились своей свободой или жизнью. *Репрессированные* слова представляют собой лексические единицы, актуализирующие запрет на формализацию определенных смыслов. На концептосферу русского языка, как и на весь менталитет русского народа, была наложена *идеологическая рамка*, ограничивающая развитие языкового сознания. *Репрессированная* – это *изреченная* лексика, сигнализирующая о репрессиях. Это лексика, за рамками идеологии, вошедшая с нею в конфликт и физически пострадавшая. Идеологические рамки были заданы революционной и советской тематикой, имеющей обязательный дидактический характер. Назидательность и «советскость» определяли суть принципа соцреализма, господствовавшего в советской литературе. Вся тематика была программно заданной и определенной. Не допускалось никакой идейной неопределенности и вариативного толкования текста, даже если предметом обсуждения являлась бесконечно идеальная сущность («Бог», «свобода», «любовь»).

«Идеологический» анализ стихов Анны Ахматовой дает четкое представление о том, какие темы подвергались *языковой репрессии*: 1) религиозная тематика, тема веры; 2) тема «нереволюционности» и «несоветскости»; 3) тема свободной любви. Из Докладной записки управляющего делами ЦК ВКП(б) Д. В. Крупина А. А. Жданову «О сборнике стихов Анны Ахматовой»:

«Стихотворений с революционной и советской тематикой, о людях социализма в сборнике нет. <...> Два источника рождают стихотворный сор Ахматовой и им посвящена ее “поэзия”: бог и “свободная” любовь, а “художественные” образы для этого заимствуются из церковной литературы.

“Клянусь *ангельским садом*,

Чудотворной иконой клянусь” (выделено автором – В. К.).

“Для того ль я, *господи*, пела,

Для того ль *причастилась любви*” (выделено автором – В. К.).

“Молодые твои *Серафимы*...

Солею молений моих” (выделено автором – В. К.).

“С той поры, как привиделся ты,

Черных ангелов крылья остры,

Скоро будет *последний суд*” (выделено автором – В. К.).

“И от *лености* или от *скуки*,

Все поверили, так и живут”» (выделено автором – В. К.) [9, с. 615-617].

Таким образом, языковая репрессия представляет собой идеологическое воздействие на сознание через язык, что ведет к созданию системы антиконцептов, имеющих деструктивный характер. Лексическое окружение антиконцептов – *репрессивные слова* – также выполняют деструктивную функцию в тексте, искажая или замещая смысл, который несут *слова репрессированные*.

Список литературы

1. Библия. Евангелие от Иоанна 1:3. Брюссель: Жизнь с Богом, 1989. 2544 с.
2. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
3. Крячко В. Б. Слово и информация: принцип неопределенности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 3 (14). С. 46-48.
4. Михельсон М. И. Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии: сборник образных слов и иноязычных: в 2-х т. М.: ТЕРРА, 1997. Т. 1. 800 с.
5. Оруэлл Д. 1984. М.: АСТ, 2015. 318 с.
6. Пинкер С. Язык как инстинкт. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. 456 с.
7. Русский ассоциативный словарь: в 2-х т. / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. М.: Астрель; АСТ, 2002. Т. II. 992 с.
8. Сарнов Б. Сталин и писатели: книга первая. М.: Эксмо, 2010. 832 с.
9. Сарнов Б. Сталин и писатели: книга вторая. М.: Эксмо, 2011. 832 с.
10. Сарнов Б. Сталин и писатели: книга третья. М.: Эксмо, 2010. 992 с.
11. Orwell G. Nineteen Eighty-Four. London: Penguin Books Ltd., 2009. 370 p.

LINGUISTIC REPRESSION: CONCEPTS AND ANTI-CONCEPTS

Kryachko Vladimir Borisovich, Ph. D. in Philology

Volzhsk Polytechnic Institute (Branch) of Volgograd State Technical University
ya.usto@yandex.ru

In the article the author makes an attempt of the critical analysis of his own history, culture and language on the part of the language itself, including time, history, thought and struggle with it, and hence with the language itself. In a certain sense, this is the attempt to overcome what anti-culture is. The main thesis lies in the fact that the language is self-sufficient and influential because of its isomorphism to the consciousness. In this formulation the theme of repression and language has not been previously raised.

Key words and phrases: concepts; anti-concepts; repressed vocabulary; repressive words; linguistic repression; ideologeme; ideological frame.